

Социальные условия развития Латвии

7 февраля 2005 года

Предлагаем познакомиться со второй дискуссией цикла, организованного в 2004-2005 годах «Балтийским форумом», посвященного рассмотрению разных аспектов модели государства, близкого к социально-экономической системе Северных стран, получившего название «общества благосостояния, основанного на знаниях». Дискуссия проходила 7 февраля 2005 года.

В дискуссии участвуют:

Фелициана РАЕВСКА, факультет социальных наук ЛУ,
Инита ПАУЛОВИЧА, руководитель бюро Представительства ООН в Латвии,
Агнесе ДАГИЛЕ, представительство ООН в Латвии,
Александр КОЛЕСОВ, психолог,
Дискуссию ведет Виктор МАКАРОВ, исследователь «Балтийского форума».

- Этот проект задуман для стимулирования дискуссии об альтернативах развития латвийского общества. В Латвии есть проблемы, которые требуют срочного решения, и это делается. Но о том, каким было бы оптимальное латвийское общество, мы говорим и думаем мало.

Дискуссии о ценностях у нас тоже нет. Мы добились автоматического консенсуса, что это либеральные ценности, обеспечивающие эффективную деятельность рыночной экономики. Все это хорошо, но, на наш взгляд, необходима более развернутая дискуссия о разных социально-экономических моделях.

Эта дискуссия посвящена модели, которая ближе к скандинавской социально-экономической системе, мы называем ее обществом благосостояния, основанном на знаниях. Мы пытаемся понять, обсудить, придумать, как можно изменить разные сферы общества в этой связи.

На наш взгляд, социальная ситуация серьезно влияет на перспективы экономического развития государства. От нее зависит долгосрочное развитие государства и общества. Поэтому сегодня мы бы хотели обсудить ситуацию, которая сейчас сложилась в Латвии в социальной сфере.

Каковы группы риска? Каковы факторы риска? Какие группы риска должны быть приоритетом для инвестиций, ибо ресурсы ограничены? В Национальном плане развития определено, кому надо помогать и во что инвестировать. Но если ресурсы ограничены, с чего лучше начинать? Какие принципы брать за основу? Какие проблемы надо решать, чтобы улучшить положение групп риска в обществе? Как отношение общества влияет на положение групп социального риска? Надо ли менять систему ценностей и отношение людей к другим людям, чтобы создавать лучшее, более сплоченное общество?

Групп и факторов социального риска в Латвии несколько. Каковы важнейшие группы риска в Латвии, которые будут влиять на наше будущее, на экономическое положение страны?

Фелициана РАЕВСКА: Одна из основных групп риска - большая доля работающих, но бедных людей. Они трудятся за минимальную брутто-зарплату в 80 латов, нетто это 61 лат, и не могут прокормить себя, не говоря уже о семье.

Вторая группа риска - инвалиды. Их пенсия привязана к пособию социального обеспечения, а пересмотр этого пособия происходит от случая к случаю, и его не регулирует латвийское законодательство. Хотя пособие пересматривалось в декабре 2003 года и было повышено с 30 до 35 латов, это все равно унижительно мало. Я понимаю, что государство ведет себя осторожно, потому что эта величина связана и с минимальной пенсией, однако ее пересмотр очень актуален для латвийской системы социального обеспечения.

Третья группа, от которой зависит наше будущее, - это дети. У меня есть статистика из Общего меморандума о вступлении Латвии в ЕС о тех латвийцах, которые не умеют читать и писать (2000 год). Тенденция в возрастных группах тревожна. Самая образованная категория нашего населения - люди в возрасте от 40 до 49 лет (0,10%). Далее идут 30-39-летние (0,13%), 50-59-летние (0,14%). Самая

необразованная группа - это молодежь в возрасте от 15 до 19 лет (0,23%). Хотя в абсолютных цифрах это не так много - всего 415 человек, сигнал все-таки тревожный. Профессор Вексна отмечает, что большое количество их пациентов, больных ВИЧ и СПИДом, как раз неграмотные, умеющие только ставить крестики.

Если говорить о тенденциях в сфере состава и размера групп, то исследования рынка труда, которые ежегодно публикуются в октябре, показывают: доля людей, получающих минимальную зарплату, очень велика. И за последние годы число этих людей снижается минимально.

Инита ПАУЛОВИЧА: В обществе нет единого понимания того, что такое социальный риск. Социальный риск можно рассматривать в разных аспектах. Один из них - доходы.

При оценке доходов будут бедные и очень бедные группы. Но надо учитывать и временную перспективу - как долго или не долго человек получает низкие доходы. Например, студенты - одна из самых бедных социальных групп в мире, но их бедность - это ненадолго.

Если же мы возьмем такую большую группу, как пенсионеры, для которых пенсия - единственный источник доходов, то это серьезная долгосрочная проблема, ибо сами люди не могут изменить свое положение.

Бедность из-за низких доходов была идентифицирована в Латвии еще в 1997 году. Это проблема, связанная с нелегальным рынком труда. По-прежнему стоит вопрос, насколько реальны зарплаты, которые отражаются в статистике. Возникшая в 90-е годы философия о том, что мы будем страной с дешевой рабочей силой, повлияла на систему ценностей. Эта идея себя не оправдала.

В международном исследовании о качестве обучения (OECD) выявились серьезные различия между городами и сельской местностью Латвии. И для Латвии это один из факторов риска. Если человек живет в Риге, Вентспилсе или каком-то другом большом городе, ситуация с доступностью рынка труда, качественных услуг образования у него совершенно иная, чем если он живет на селе, в маленькой волости. Если в волости есть средняя школа, это еще ничего, а если это только основная школа, тогда понятно, что после ее окончания молодой человек не будет конкурентоспособен. Кроме того, мы имеем огромную и неупорядоченную систему самоуправлений, которые не могут изменить положение, так как не способны оптимизировать сеть школ. То же самое относится к системе здравоохранения, социальных услуг и другим сетям, которые доступны городским жителям. Поэтому не удивительно, что люди бегут из сельской местности в города - они просто хотят лучше жить.

Третий аспект - доступность услуг. Основная проблема в том, что изначально, в первой половине 90-х годов, при разработке социальной политики была тенденция создавать единую систему на базе советской, когда определенные социальные группы имели особый статус и различные льготы. Сегодня эта система стала главным камнем преткновения, ибо она создавалась на базе среднестатистических групп, без учета индивидуальных нужд. Поэтому особые нужды социальных групп не исследуются. Вся социальная политика сосредоточена на больших направлениях. Если взглянуть на средние показатели бедности в Латвии, ее нельзя идентифицировать как важную проблему. Если же мы начнем анализировать отдельные, конкретные группы, проблемы стратегии, то обнаружим, что эти проблемы с помощью социальной политики не решаются.

Мы можем рассматривать социальную политику через систему социального обеспечения, состоящую из пособий, пенсий, социальных услуг, которые обеспечивает государство и самоуправления. Но, на мой взгляд, говоря о социальном риске, эти проблемы надо рассматривать в целом: здравоохранение, образование, занятость, доступность культуры, доступность жилья. Только их совокупность показывает риск.

Дети и молодежь - это группа риска. Но можем ли мы сказать, что все дети и молодежь - группа риска? Нет. Одна группа риска - дети и подростки из семей, в которых не хватает денег на еду. Но есть семьи, где такой проблемы не существует. Мы не можем говорить, что все семьи, в которых есть ребенок-инвалид, автоматически попадают в группу риска, ибо есть семьи, в которых родители хорошо зарабатывают. Значит, не произошло идентификации групп риска. Социальная политика не реагирует на эти нужды, ибо они стали специфическими, особыми для отдельных групп. Вопрос также о краткосрочных и долгосрочных проблемах.

В долгосрочной перспективе, на мой взгляд, самая большая группа риска - молодые парни. В 2000 году мы довольно подробно рассмотрели вопрос равноправия полов, сферу здравоохранения и образования. Для мужчин в Латвии вообще сложились неблагоприятные социальные условия. Если взять юношей в возрасте от 18 до 23 лет как социальную группу (возраст, когда ребенок учится или окончил среднюю школу), то 27,7%, или третья часть этих юношей, имеют основное образование (данные за 2002 год). Эти данные опубликованы и в обзоре ЕС о ситуации в новых странах-участницах.

Если такой юноша сейчас имеет основное образование, и ему 23 года, получить среднее образование он практически не может. Это значит, что у него автоматически не будет и высшего образования. В будущем он сможет выполнять только мало оплачиваемую работу. Если же мы хотим построить экономику, основанную на знаниях, тогда возникает вопрос: каков же ресурс?

Девушек в таком положении всего 12,2%. Это значит, что у девочек мотивация гораздо выше. Признаки этого проявляются уже в средней школе. В вузах на каждые 100 юношей приходится 160 девушек (данные за 2000 год). У женщин экономическая отдача от образования гораздо выше и быстрее, чем у мужчин. Со средним образованием у них куда меньше возможностей получить хорошую работу, чем с высшим, поэтому они очень мотивированы.

Как эта проблема выглядит в демографическом разрезе? Эти дети вырастут, создадут семьи, у юношей будет основное образование, у девушек - высшее. И мы подходим к вопросу о том, насколько стабильны будут такие семьи и сколько детей появится в таких семьях?

В прошлом году 3000 детей не получили аттестата об основном образовании, что по сути лишает их возможности учиться дальше. Часть, разумеется, осталась на второй год, но две трети остались ни с чем. Это значит, что даже формально они не смогут продолжать учиться. Такие цифры ужасают.

В долгосрочной перспективе, лет через двадцать, эта группа подростков, парней, исключенная из системы образования, вызовет огромные социальные проблемы для страны в целом.

И разумеется, это вопрос реформы самоуправления. В маленькой волости не обязательно должны быть все учреждения, если обеспечен транспорт и доступность других услуг. В Финляндии до 4-го класса школа находится у ребенка возле дома, до 8-го класса его возят в школу на такси, в средней школе есть интернат, где они живут в нормальных условиях.

Хочу дополнить круг этих вопросов профессионально-техническими училищами как культиваторами социального риска. Если мы посмотрим, кто учится в этих школах, то увидим детей из бедных семей, ибо там платят стипендию. Для бедной семьи стипендия в 7 латов - большие деньги. Это одна из возможностей, как бедные семьи обеспечивают образование своим детям. Кроме того, в профессиональных школах устаревшие учебные программы и технологии. Без серьезной переквалификации на курсах для безработных нормальную работу найти невозможно. Поскольку в этих школах большая концентрация детей из неблагополучных, малоимущих семей, они создают благоприятную среду для таких явлений, как алкоголизм, курение, наркомания. Процент отсева учащихся очень незначителен.

Мы можем создать самую лучшую социальную политику, но если не решается вопрос доступности услуг, она не имеет смысла.

В английском языке есть термин «perseved risks» - риски, который мы считаем реально не таким уж большим, например, отношение государства к семьям с детьми. Нельзя сказать, что государство дискриминирует семьи или ничего им не дает, но практически в этой сфере нет никаких позитивных сдвигов. То, что семья не сможет получить поддержки от государства, если она имеет на два лата больше установленного уровня бедности, превращает проблему в огромный риск.

Такой же риск существует среди определенных этнических групп. Например, среди цыганских детей очень много неграмотных. Нельзя сказать, что государство совсем ничего не делает, но оно не содействует вовлечению определенных групп в систему образования. Это риск, который не считается серьезным, хотя жители считают его риском. Значит, точнее сформулировав группы проблем, можно выявить проблемы, требующие решения.

- Есть мнение, что человеку надо дать возможность заработать, и тогда все само собой решится. Это по сути тот же подход, который царит у нас с 90-го года.

Фелициана РАЕВСКА: Цифры показывают, что в прошлом году в странах ЕС распределяется 41,5% ВВП. Латвия находится на втором месте с конца, чуть выше Литвы (28,7%), так как мы распределяем всего 29,1% ВВП.

Когда студенты говорят мне: у нас ведь нечего делить, я не могу с ними согласиться. Делить есть что, это скорее вопрос политического подхода, вопрос принципов. Например, широким жестом мы снижаем подоходный налог для предприятий с 20% до 15%, не думая о том, как это скажется на бюджете. Но когда дошло до повышения необлагаемого налогом минимума на 5 латов (это значит, что каждому в месяц добавилось по 1,25 лата), это было подано как огромное достижение и большие расходы, и даже повышение минимальной зарплаты в 2004 году произошло вопреки правилам КМ, потому что, мол, повышен необлагаемый минимум. Это в высшей степени лицемерие или игра на том, что люди просто не разбираются в этой бухгалтерии.

Необходимо наращивать социальные инвестиции. Нынешняя тенденция такова: ВВП растет, а средства, выделяемые на социальную политику, снижаются. При здоровом обществе это могло бы свидетельствовать об оптимизации расходов, но в такой бедной стране и в таком нездоровом обществе, как Латвия, это неправильная политика, которая не способствует преодолению отверженности, хотя это латвийское государство официально объявило приоритетом своей политики.

Необходимо инвестировать в образование. Нужна поддержка семей с детьми. Нам, женщинам, не дают возможности выйти на пенсию на полгода или год раньше, учитывая каждого выращенного ребенка. На мой взгляд, если бы нам дали эти символические полгода или год, как в Чехии, это был бы очень хороший жест, особенно если учесть демографическую ситуацию в стране.

Инита ПАУЛОВИЧА: Мы в свое время провели исследование о том, кто же на самом деле выигрывает от налоговых льгот. Результаты оказались интересными, ибо выигрывали те семьи, в которых оба родителя получают зарплаты, по крайней мере, выше средних. Как только доходы ниже средних или минимальные, или как только детей в семье больше одного, так малоимущие семьи ничего не выигрывают. Пропорционально выгода малоимущих семей по сравнению с тем, что получают состоятельные, ничтожна. Бедные семьи не могут воспользоваться тем, что дают налоговые льготы. 90% семей с тремя и более детьми - бедные. Третий ребенок - это критическая точка, в которой происходит поворот: будет семья бедной или нет. Я не согласна с тем, что налоговые льготы - самый эффективный инструмент. Это всего лишь один из инструментов.

Фелициана РАЕВСКА: От социальной политики всегда и везде больше всего выигрывает средний слой, но это не означает, что свою пользу не получают и бедные.

Агнесе ДАГИЛЕ: Я хотела бы сказать о семьях с несколькими детьми. Дети из таких семей имеют мало шансов получить образование. Студенчество стоит дорого. Это значит, что если ты из бедной среды, отсутствие позитивного примера создает много ограничений, поэтому дойти до высшего образования гораздо труднее, чем, если растешь в обеспеченной семье.

Если же говорить об обществе, экономике, основанной на знаниях, о том, что в Латвии мало инвестируется в инновационные технологии, возникает вопрос: где брать таких людей? Человеческий фактор - это одно, второе - понятно, что при такой ситуации частные инвестиции крайне малы, ибо нет базы, негде таких людей брать.

Если взять необлагаемый минимум, то и в Литве применяется практика, когда в зависимости от количества детей повышается минимум, не облагаемый подоходным налогом. И он выше, чем в Латвии. Мера направлена на то, чтобы у бедных семей этих денег остается больше, но пропорционально бедные так много не выигрывают.

Александр КОЛЕСОВ: В своей работе я сталкиваюсь с семьями, у которых налицо все перечисленные здесь проблемы. Поэтому дети в таких семьях - самая большая группа риска. Если мы берем каждую проблему отдельно, мы можем найти разные семьи. К сожалению, у нас эти риски должным образом не оцениваются, и им не уделяется особое внимание. Все исследования социальных проблем финансируются из средств зарубежных фондов. Это значит, что нас данные проблемы не интересуют.

- Мы подходим к центральному вопросу: группа множественного риска - это бедные семьи с детьми. Дети и молодежь - самая сложная, самая проблематичная группа.

Если мы хотим что-то изменить, тогда налоговые льготы для всех - не самый правильный путь. Нужны конкретные мероприятия со стороны общества и государства, направленные на эти группы. У нас есть выбор: платить семьям дополнительные деньги, или же сделать так, чтобы общество брало на себя ответственность за образование этого ребенка.

Фелициана РАЕВСКА: Вы сейчас ставите вопрос так: использовать ли универсальные программы или программы, направленные на конкретную аудиторию? Думаю, должны применяться оба подхода. Например, лишь некоторые школы воспользовались возможностью на деньги ЕС получать бесплатное молоко. Отношение к спорту и урокам физкультуры в наших школах тоже заслуживает резкой критики.

Инита ПАУЛОВИЧА: Инвестиции в человека означают инвестиции в те услуги, которые ему доступны. Например, образование. У детей из бедных семей качество образования ниже, потому что они не могут купить те книги, которые может купить нормальная семья. Если в местной библиотеке эти книги есть, значит, мы повышаем и качество образования этих детей. Однако на покупку новых книг библиотеке отводится 200 латов в год, и на эти деньги надо удовлетворить интересы всех социальных групп волости...

Социальную политику нельзя рассматривать в отрыве от других инвестиций. Я никогда не соглашусь с утверждением, что пособия или налоговые льготы могут решить проблему. Это может решить такие проблемы, как оплата отопления, нехватка продуктов и одежды. Остальные проблемы надо решать с помощью публичных инвестиций, дав возможность бедным семьям альтернативным образом получать эти услуги. То же самое относится к другим услугам. Например, чтобы прибегнуть к услугам психолога, надо быть достаточно обеспеченным, кроме, конечно, тех кризисных ситуаций, когда уже поздно. Если же обеспечить бесплатный визит к психологу до наступления кризиса, не придется тратить деньги на реабилитацию, оздоровление ребенка.

Если говорить о материнских пособиях, почему никто не взбунтовался против решения о «маминых зарплатах»? Потому, что средний слой не ощущает никакой поддержки от государства. Детское пособие, которое получает каждая семья, ничтожно. Средний слой посчитал себя обделенным, он использовал тот аргумент, что они платят больше налогов, поэтому имеют право на большие пособия. Хотя профессионально это было неправильно, ибо данное пособие выплачивается не из тех налогов, которые отчисляет работающий средний слой. Бедные семьи не успели в тот момент отреагировать и возразить: из-за этого усилится неравенство. Их просто купили, ибо 50 латов для них - тоже большие деньги. Они не успели отреагировать, поэтому разговор о солидарности не состоялся.

Если бы общество увидело, что учебники обеспечены всем, это было бы существенным подспорьем среднему слою и не унизило бы бедные семьи.

С одной стороны, необходимо фокусировать внимание на помощи малообеспеченным, но с другой стороны, определенные вещи должны быть обеспечены всем, чтобы общество ощущало свою выгоду. Даже в США ни одного учебника для школы покупать не надо. А в школах есть автобусы, которые возят всех детей.

- Если родители не могут взять на себя ответственность за ребенка, по сути, общество должно взять на себя эту ответственность.

Александр КОЛЕСОВ: В беседах с учителями о проблемах обучения говорилось, что дети уже не воспринимаются как ценность. Я думаю, то же самое относится и к человеку. Человека ценят очень низко.

- Это позиция государства или людей, которым все равно?

Инита ПАУЛОВИЧА: Я думаю, проблема в другом. Процесс вступления в ЕС сосредоточил работу государства на упорядочении законодательства и его приспособлении к европейским требованиям. При этом потенциал чиновников непрерывно подрывался, начиная с того, что необходимо было снизить их количество, и кончая убежденностью государственных деятелей в том, что чиновники ленивы. Вопрос с зарплатами чиновников тоже до конца не упорядочен. Эффективность работы

государственного сектора в последние годы, начиная с 1996-1997 годов, постоянно снижалась. Тогда приоритетом было вступление в ЕС. Реформа здравоохранения в тот момент не была приоритетом, и ни у кого не было времени в нее вникать. Впервые термин «устранение бедности» появился в декларации правительства 2004 года, при правительстве Эмсиса.

Сейчас эти сферы впервые названы приоритетами: образование, здоровье. Когда говорилось о вступлении в ЕС и НАТО, в тот момент человек не был ценностью. Латвия в социальной сфере, сфере образования в большой степени потеряла, поскольку Эстония, вступая в ЕС, заявила, что они будут самыми талантливыми, самыми сильными, самыми конкурентоспособными в ЕС. Они вкладывали в человеческие ресурсы, образование. Хотя у них тоже не все идет гладко, позитивная установка позволила человеку остаться в центре.

Но положительный сдвиг и в том, что об этом говорят. Сегодня можно говорить о снижении бедности. В 2000 году, когда я ходила отстаивать стратегию борьбы с бедностью, министр меня упрекал: «Госпожа Пауловича, почему вы говорите о бедности, а не о повышении благосостояния?» Если это можно внести в политическую повестку дня, значит, с этой проблемой можно работать. Когда насилие как проблему удастся поставить на повестку дня, тогда и с ней можно будет работать. Пока же эту проблему засунули под сукно.

Александр КОЛЕСОВ: Если государство может себе позволить обращать внимание лишь на свои цели, не считаете ли вы, что так не будет происходить и дальше?

Инита ПАУЛОВИЧА: Мне бы не хотелось говорить, что ничего не делалось. Но если мы посмотрим, куда вкладывались деньги, на что обращалось административное внимание, тогда оно действительно не обращалось на самые болезненные проблемы.

- Можем ли мы сказать, что социальная политика ориентирована на средний слой? Или, может быть, на какой-то другой? Не окажемся ли мы перед политической проблемой: средний слой в большинстве, в том числе люди, имеющие право голоса, поэтому и требовать они будут больше, тогда как мы не можем доказать, что надо инвестировать в бедных.

Инита ПАУЛОВИЧА: Проблема в том, что мы должны каждому дать по чуть-чуть. Это в значительной мере и вопрос отношения. Если мне не приходится воевать за детский сад, мне не надо платить половину своей зарплаты няне. Вот вопросы, о которых надо договориться на государственном уровне.

Pro-poor policies - это политика, направленная на малоимущих жителей. Это могут быть услуги, которыми пользуются малообеспеченные жители, например, библиотеки. Инвестиции в библиотеки означают инвестиции в снижение бедности. Необходимо открыть пункты публичного доступа к интернету. Нужно идентифицировать, какие услуги используют малоимущие жители. Инвестируя в эти услуги, мы не будем повышать пособия, но при этом будем вкладывать в развитие, не унижая, не навешивая ярлык бедняка.

Это еще одна из причин, почему люди избегают обращаться за социальной помощью. Это - классическая проблема социальной политики, особенно в Америке и Великобритании.

В Латвии одержана первая победа: введен гарантированный минимальный доход. Если на одного человека приходится меньше 21 лата в месяц, значит, человек вправе пойти и потребовать помощи. В Риге такой гарантированный минимум составляет около 80 латов. В других местах много платить не могут, ибо это выплаты из муниципальных средств.

Что-либо изменить в этой системе довольно трудно. Исходя из теории, лучше не увязывать размер пособий с минимальной зарплатой. То же самое - со статусом малообеспеченного. Например, в правилах финансирования здравоохранения сказано, что людям, имеющим статус малообеспеченных, услуги здравоохранения полагаются бесплатно. Каждый раз, приходя к врачу, такой человек должен предъявить справку о статусе малообеспеченного, которая выдается на шесть месяцев. В школе можно получать бесплатные обеды, но тоже надо предъявить эту справку и просить помощи. Мы изучали, почему люди не используют социальную помощь, и оказалось, одним из важнейших был фактор стигмы, фактор стыда.

Агнесе ДАГИЛЕ: Как я уже говорила, не хватает положительного примера. Среди бедных слоев населения нет смелости и уверенности в возможной будущей выгоде. Число бюджетных мест сильно ограничено, но люди все равно не берут кредиты на учебу. Да, в долгосрочной перспективе это позволит улучшить свое положение, но нет уверенности, что они смогут вернуть кредит.

В Литве можно получить возврат подоходного налога не только с расходов на медицинские услуги и образование, как в Латвии, но и за покупку компьютерной техники для личных нужд. Это - серьезная поддержка, возможность получить обратно 33% от уплаченной суммы.

Инита ПАУЛОВИЧА: Компьютерная грамотность должна стать нормой. То, что молодые не умеют пользоваться компьютером и интернетом для получения новых знаний - это, скорее, вина учителей. Но это вопрос будущего. Инвестиция в компьютеры - это инвестиция в бедных детей. Неспособность учителей пользоваться интернетом и компьютером - это большая проблема.

Александр КОЛЕСОВ: Технологии должны следовать за образованием, а не наоборот. У эстонцев ценности формулируются более четко. Они ставят цели и потом их достигают. И в ЕС они идут со своими ценностями. У нас нет четких ценностей, чтобы поставить цели и к ним идти.

- Тут мы снова подходим к вопросу о человеческих ценностях. Существуют ли у нас как ценности равенство и социальная справедливость? Не тормозит ли отсутствие этих ценностей наше развитие?

Агнесе ДАГИЛЕ: В Латвии ценностная ориентация, не говоря уже об ориентации политических партий, довольно индивидуалистична. Это отражается и в планировании семьи, и в других сферах.

Если говорить о солидарности, в Литве после российского кризиса, когда остановился Мажейкяйский нефтеперерабатывающий завод, сложилась критическая ситуация: в бюджете не стало денег на текущие платежи. И было принято решение, что чиновники, в знак солидарности с остальными слоями общества, уходят в неоплачиваемый отпуск. Потом чиновники получали всего 90% своих зарплат, разрешив остальные 10% направить на неотложные платежи. Правда, это закончилось курьезом: в 2004 году один из чиновников подал на Литовское государство в суд, ибо российский кризис давно миновал, а чиновникам по-прежнему платили зарплаты в усеченном размере. Суд постановил, что продолжать удерживать деньги незаконно, и часть невыплаченной суммы им вернули. На мой взгляд, в Латвии такое практически невозможно, ибо солидарности между разными социальными слоями не существует.

Александр КОЛЕСОВ: Мне бы не хотелось объяснять это тем, что мы -такие уж индивидуалисты. Скорее, вопрос о мере ответственности государственных деятелей.

Инита ПАУЛОВИЧА: Почему мы в ходе дискуссии так и не дошли до социальной политики? Если взглянуть на вещи в узком разрезе, невозможно увидеть целое. В обществе эти вещи не обсуждались с точки зрения целого, ибо в сфере государственного управления нет традиции договариваться об общих проблемах, общих решениях. Налоговые льготы - это всего лишь инструмент, чтобы чего-то достигнуть. Если государству поставлена цель сделать основное и среднее образование для детей обязательным, чтобы после этого ребенок знал три языка, значит, надо посмотреть, что доступно для семьи с высокими, средними и низкими доходами. И тогда, оценив риски, надо инвестировать туда, где это принесет наибольшую отдачу.